

Николай
Гаврилович
Чернышевский

КАПИТАЛ И ТРУД

RUGRAM

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-49

Чернышевский, Н.Г.

Ч-49 Капитал и труд/ Н.Г. Чернышевский. — М. : RUGRAM, 2022. — 114 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78112-6

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78112-6

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

КАПИТАЛ И ТРУД

Читателю известно, что мы не очень усердно поклоняемся той системе политической экономии, которая, по незаслуженному счастью, до сих пор считается у нас единственной и полною представительницею всей науки¹. Если мы скажем, что г. Горлов ни на шаг не дерзает отступать от этой системы, читатель может предположить, что наша статья будет содержать жестокое нападение на сочинение г. Горлова. Нет, мы не находим, чтобы эта книга заслуживала такой участи или такого внимания.

Г. Горлов излагает систему, которую мы не одобряем; но он, как из всего видно, держится этой системы только потому, что гораздо легче знать вещи, о которых толкуют во всех книгах уже целых сто лет, нежели усвоить себе понятия, явившиеся не очень давно. Ломоносов был великий писатель — кому это не известно? А то, что Гоголь также великий писатель, еще далеко не всем понятно. За что же нападать на человека, который, вечно толкуя о Ломоносове, не ценит Гоголя потому только, что родился «в настоящее время, когда», чтобы понимать Гоголя, надобно следить за литературою, а не через пятьдесят лет, когда слава Гоголя войдет в рутину? Это просто отсталый человек; отсталость должна в чувствительной душе возбуждать сожаление, а не гнев.

Порицать книгу г. Горлова мы не находим надобности; хвалить ее мы, пожалуй, были бы готовы, но, как ни старались набрать в ней материалы для похвал, набрали

их не много. Изложение книги не очень дурно; хорошим назвать его нельзя, потому что оно вяло и скучно. Мыслей, которые считаются дурными у людей, взятых г. Горловым за руководителей, у г. Горлова нет; но зато нет и ни одной сколько-нибудь свежей или самостоятельной мысли, — а мы могли бы ожидать найти хотя две-три таких мысли, потому что некоторая (умеренная) свежесть и некоторая (мелочная) самостоятельность допускаются даже школою, к которой принадлежит г. Горлов. Ученость — и того мы не нашли. Есть заимствования из Рошера, Рау, Милля, Мак-Куллоха, показывающие знакомство с этими писателями; но их книги не такая редкость, чтобы уже и превозносить того, кому случится познакомиться с ними. Главным ресурсом для г. Горлова служит, по-видимому, «Словарь политической экономии» Гильйомена², — книга хорошая, спору нет, но вовсе не имеющая своим назначением служить источником для ученых сооружений. За что же можно похвалить г. Горлова? Разве за спокойствие, умеренность и скромность тона? Правда, это не составляет особенно-го достоинства при вялости изложения, а должно считаться только следствием вялости; но, так и быть, похвалим его книгу за отсутствие излишних претензий.

Говоря без тонкостей, это значит: мы не намерены нападать на книгу г. Горлова потому, что, при всей своей почтенности, она не заслуживает внимания. Есть читатели очень мнительные, которым все надобно доказывать. К числу их в настоящем случае, без сомнения, будет принадлежать и г. Горлов. «Вы говорите, что моя книга не заслуживает внимания, — извольте же доказать это». Пожалуй. В доказательство возьмем, чтобы не ходить далеко,

хотя предисловие к «Началам политической экономии». Вот оно, все вполне. Читатель, который поверит нам на слово, может пропустить эту выписку, потому что, предупреждаем его, он не найдет в ней ничего, заслуживающего труда быть прочтенным.

В настоящее время в России поднято много весьма важных вопросов, тесно соединенных с народным благосостоянием. Чтоб прояснить свои понятия об этих вопросах, общество обратилось к науке, дотоле находившейся у нас в совершенном забвении, — к государственной экономии. Тогда оказалось, что хотя наука эта прежде и не была разрабатываема в нашей литературе, но что начала ее были более или менее распространены между многими образованными людьми чрез университетское преподавание или чрез изучение иностранных сочинений. Ибо, по первому призыву общественного мнения, возбужденного вопросами о свободе труда в сельском хозяйстве и торговле, о способах владения землею, о монополиях и других предметах, появились не только особые отделы в журналах, им посвященные, но даже основались специальные журналы, назначенные для разработки экономических идей и руководимые людьми весьма сведущими. При таком направлении нашего времени и при таких его потребностях, напрасно было бы оправдывать появление книги, заключающей в себе изложение начал государственной экономии.

Однако же те ошиблись бы, которые, имея в виду вопросы современности, стали бы искать в этой книге практических правил и способов действия в данных случаях. В настоящее время появляется в России много разных планов и экономических проектов. Но не такова задача

этой книги; она чужда всякого прожектерства и не есть собрание каких-нибудь политико-экономических рецептов и способов. В ней только излагаются естественные законы экономии народов, и мы почти могли бы сказать вместе с французским экономистом К. Дюнойэ: «Je n'impose rien, je ne propose même rien, j'expose»³. Но живая потребность ощущается, и именно теперь, в изучении этих естественных законов. И в самом деле, если прежние искусственные организации народной экономии, произведенные историческими обстоятельствами, удаляются со сцены, то надобно знать, каким естественным законам будет следовать народная экономия, когда она будет предоставлена самой себе.

При этом случае так называемые практики, конечно, упрекнул нас в ограниченности взгляда, который довольствуется старою, заброшенною формулою *laissez faire*⁴ и полагается на естественные законы. Мы же, с своей стороны, находим, что эта формула есть великое, хотя и не исключительное начало, что она уже принесла и принесет еще огромную пользу всякий раз, когда заставит общество убедиться в бесполезности разных искусственных организаций, вроде *glebae adscriptio*⁵ и тому подобных. А естественные законы установлены тою же великою силою, которая управляет целым миром; следовательно, по натуре своей, они не могут быть бедственны и разрушительны, и рассмотрение их всегда может сделаться достойным предметом весьма важной науки.

Нам скажут, что под влиянием естественных законов человек не только живет, но страдает и погибает. Это справедливо; так что же из этого? По естественным законам человек может впадать в бедность и расстраивать

свое экономическое положение. Из этого выходит только то, что ему необходимо законы эти изучать, чтоб из них извлекать все пользу и, напротив, избегать зла. С последнею целью общество принимает некоторые меры; но это не показывает, что надлежит отвергнуть формулу *laissez faire*; это показывает только, что надлежит в известных случаях ее дополнять. Какова была бы медицина, если б она утверждала, что для поддержания здоровья человека надлежит постоянно возбуждать искусственными средствами его аппетит и таковыми же очищать его тело и что природа этого сделать не может, будучи предоставлена самой себе? И однако же прежние экономические системы были проникнуты духом именно подобной медицины, ибо они искусственно возбуждали производство и потребление ценностей в обществах, не понимая, что для них существуют естественные законы. Таких-то экономических систем мы не признаем и желаем, чтобы они от прежней сложности действия и искусственности обратились к потерянной простоте и естественности.

Итак, мы излагаем теорию, естественные законы экономики народов. Но теория была бы жалкою и бесплодною отвлеченностью, если б она отвращалась от явлений современности, которые совершаются пред глазами всех и живо занимают всех, кому дороги важнейшие интересы человечества. В объяснении именно этих явлений лежит практическое значение теорий, излагаемых в науке. Современные экономисты, Мекколлок и Рошер, справедливо заметили, что важнейшая задача теоретика состоит в том, чтобы выразить и рассмотреть с надлежащей основательностью потребности своего времени. Мы старались

не выпускать из виду эту точку зрения, излагая отвлеченные истины экономической науки, и, может быть, это-то придаст нашей книге некоторую особенность и практическую, несмотря на то, что в ней нет готовых планов действия и экономических проектов.

Обращаемся теперь к недоверчивым читателям, которые были своею мнительностью принуждены прочесть выписанное нами предисловие г. Горлова, и спрашиваем их: чего должно ожидать от книги, имеющей подобное предисловие? От него веет шестидесятилетней рутинной, вы по крайней мере двадцать раз читали в разных книгах все то, что сказано на этих страницах, — и каким рутинным тоном изложены эти всем и всякому давно наскучившие мысли! Обратите внимание хотя на начало: «В настоящее время в России поднято весьма много важных вопросов» — ведь этими самыми словами начинает ныне решительно каждый, что бы ни начинал писать, — фельетон о загородных гуляньях или пении г-жи Лагруа в «Норме»⁶, об освобождении крепостных крестьян или о новоизобретенной помаде для ращения волос. Итак «в настоящее время» появление «Начал политической экономии» своевременно. Почему же? Вероятно, потому, что она дает решения для «вопросов», поднятых в настоящее время? Нет, она «не есть собрание политико-экономических рецептов и способов (к чему?). — В ней не найдется практических правил и способов действия в данных случаях». Она только описывает, а не предписывает, — прекрасно; но в таком случае, к чему же начинать фразою «в настоящее время»? И какую ветхостью пахнет мысль, что наука только описывает факты, а не предлагает правил! Неужели из таких фраз можно составлять